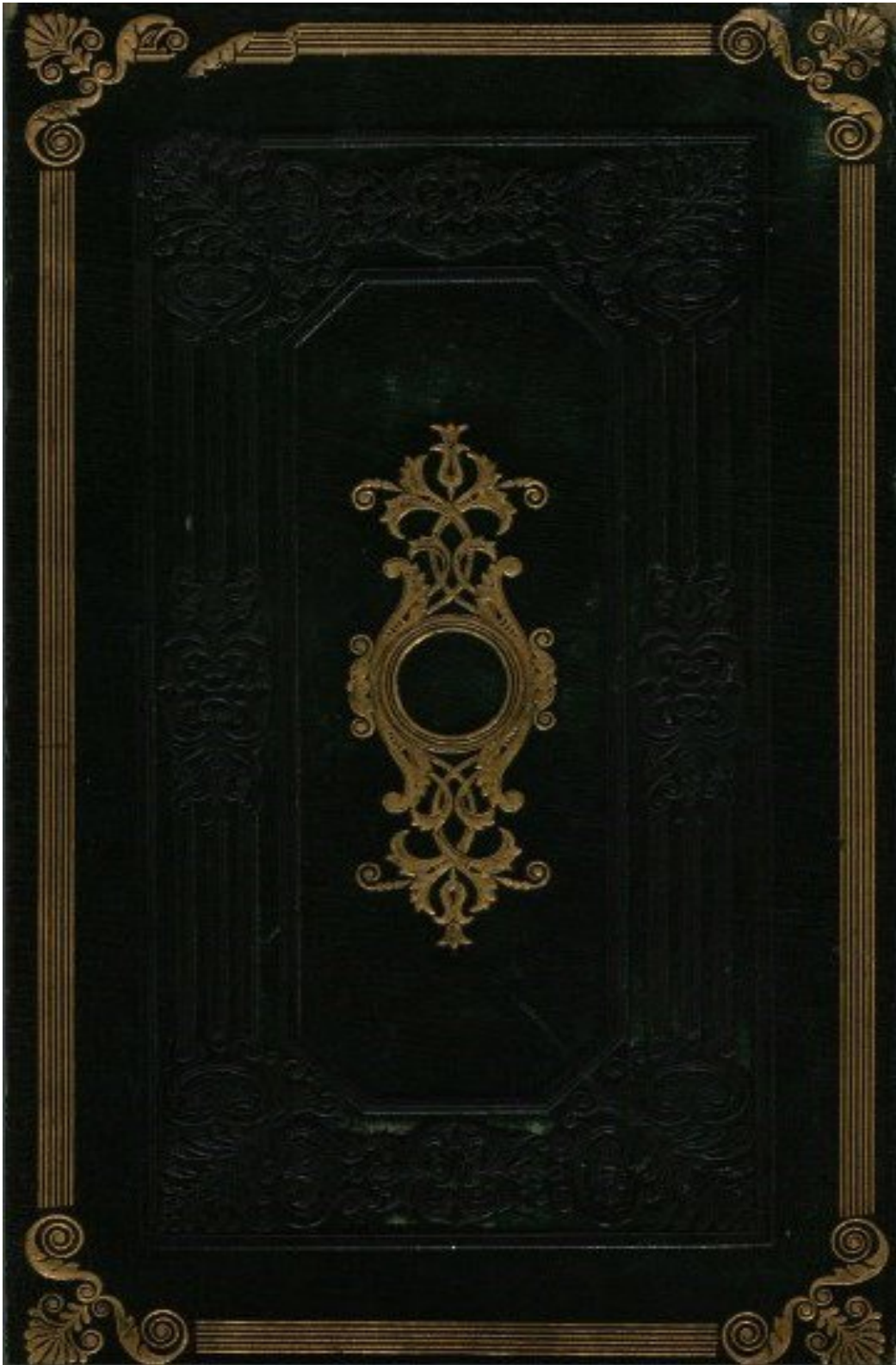
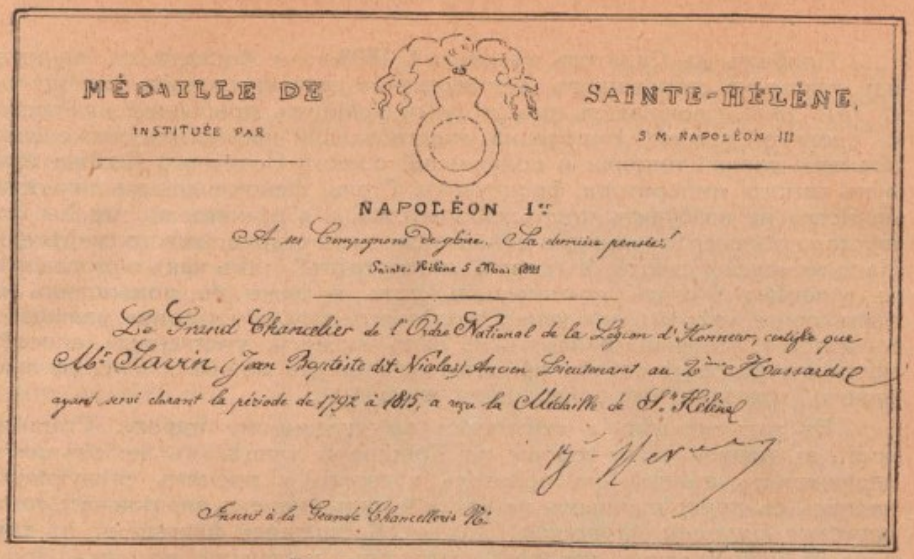



MÉDAILLE DE SAINTE-HÉLÈNE,
INSTITUÉE PAR S. M. NAPOLÉON III

NAPOLÉON Ier

A ses Compagnons de gloire. La dernière pensée.

Sainte-Hélène 5 Mai 1821

Le Grand Chancelier de l'Ordre National de la Légion d'Honneur, certifie que Mr Savin (Jean Baptiste dit Nicolas) Ancien Lieutenant au 2e Hussards ayant servi durant la période de 1792 à 1815, a reçu la Médaille de Ste Hélène

Fait à la Grande Chancellerie Rie

Грамота на медаль св. Елены.

Послѣдній изъ ветерановъ великой арміи.

(Изъ личныхъ воспоминаній и бесѣдъ съ офицеромъ арміи Наполеона I, участникомъ войны 1812 года).

Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое...

Гейне.

Самъ Гуфеландъ, знаменитый авторъ „Макробіотики", былъ бы не мало удивленъ, если бы ему сказали, что въ нашъ хилый, физически-разслабленный вѣкъ, въ суровомъ и перемѣнчивомъ климатѣ нашего Поволжья, нашелъ себѣ пріютъ и въ совершенной памяти доживалъ свои дни человѣкъ, родившійся подъ небомъ Франціи *въ царствованіе Людовика XV* и умершій въ поразительномъ для насъ, современниковъ, возрастѣ *ста двадцати семи лѣтъ.*

А между тѣмъ такой удивительный человѣкъ существовалъ, и пишущему эти строки довелось въ теченіи двухъ лѣтъ прожить съ нимъ въ одномъ городѣ, подолгу съ нимъ бесѣдовать и записать съ его словъ его удивительную Одиссею.

Прибывъ въ Саратовъ въ началѣ 1893 г. и бесѣдуя съ однимъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, я совершенно случайно узналъ, что здѣсь, *съ 1812 года*, проживаетъ престарѣлый французъ, прибывшій въ Россію съ „великой арміей“ Наполеона, участвовавшій во многихъ сраженіяхъ временъ первой имперіи и получившій орденъ Почетнаго Легіона изъ рукъ самого императора французовъ. Столь феноменальная личность не могла не возбудить моего любопытства, и я рѣшилъ во что бы то ни стало посмотрѣть на этого необыкновеннаго старца, живого свидѣтеля Наполеоновской эпохи. Я говорю „посмотрѣть“, такъ какъ о разговорѣ съ человѣкомъ столь преклонныхъ лѣтъ я даже не помышлялъ и былъ почти увѣренъ, что увижу столѣтняго, дряхлаго старика, впавшаго въ дѣтство, утерявшаго память и, быть можетъ, умственныя способности, отъ котораго едва ли придется чего-нибудь добиться. Послѣдствія, однако, доказали мнѣ совершенно противное.

Въ тотъ же день я отправился по указанному адресу. Старикъ жилъ въ первой части города, на Грошовой улицѣ, въ небольшемъ деревянномъ домикѣ, на воротахъ котораго я прочелъ слѣдующую надпись съ передѣланнымъ на русскій ладъ именемъ владѣльца: *„домъ поручика Николая Андревича Савина“*. Крошечный флигелекъ, въ три окна на улицу, одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которыми до сихъ поръ изобилуютъ наши города средней руки, скромно ютился среди болѣе крупныхъ деревянныхъ и каменныхъ построекъ, постепенно вытѣсняющихъ своихъ мелкихъ сосѣдей. Я отперъ калитку и очутился во дворѣ, гдѣ глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: среди миніатюрнаго цвѣтника, окруженнаго низенькимъ палисадникомъ, сидѣлъ на скамейкѣ небольшого роста старичекъ, сильно согбенный, въ картузѣ и стариннаго покроя длиннополомъ сюртукѣ, съ красной ленточкой въ петлицѣ; онъ только что окончилъ поливку цвѣтовъ и, погруженный въ любимое занятіе, повидимому, не замѣтилъ моего прихода. Я остановился и молча сталъ разсматривать старца, на морщинистомъ лицѣ котораго весело играли яркіе лучи полуденнаго солнца.

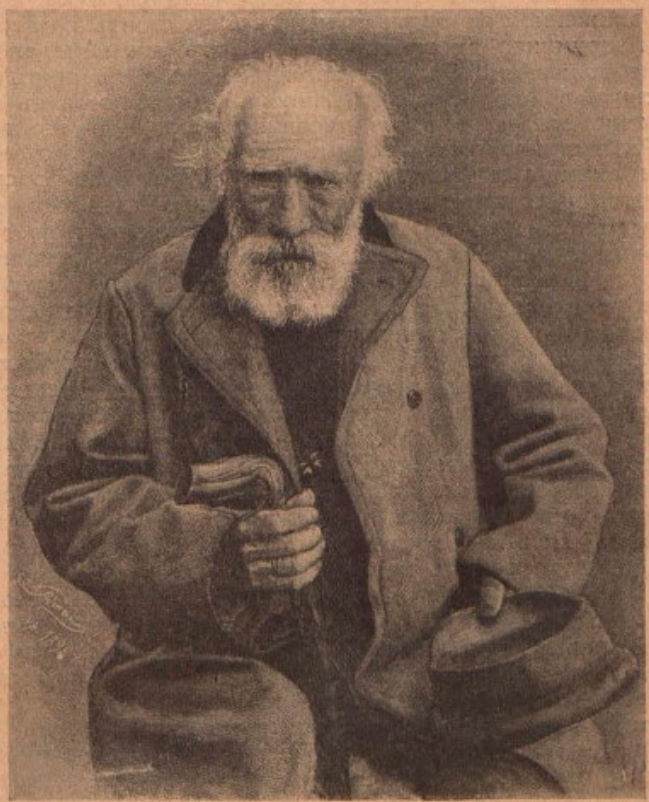
По красной ленточкѣ я догадался, что нашелъ того, кого искалъ: передо мной былъ ветеранъ „великой арміи“, живой свидѣтель полулегендарной Наполеоновской эпопеи съ ея кровавымъ, но все же блестящимъ ореоломъ славы и военнаго генія. Вглядываясь въ морщинистое лицо старца, въ эти какъ бы застывшія подъ вліяніемъ времени черты, я невольно провелъ параллель между прошедшимъ и настоящимъ: я перенесся мыслями въ ту достопамятную эпоху „войны и мира“, когда, 82 года тому назадъ, этотъ удрученный годами ветеранъ—въ то время бравый офицеръ—вступалъ въ числѣ „двадесяти языкъ“, какъ врагъ, въ предѣлы той самой Россіи, которая теперь стала вторымъ его отечествомъ и которую онъ любитъ не менѣе Франціи.

Я подошелъ къ старику и назвалъ его по имени, извиняясь за непрошенное посѣщеніе, вызванное глубокимъ удивленіемъ и желаніемъ увидѣть и побесѣдовать съ представителемъ знаменитой эпохи, служившимъ подъ начальствомъ величайшаго изъ полководцевъ.

Старикъ ласково протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Вы заговорили со мной о человѣкѣ, которому я посвятилъ лучшіе годы моей жизни и память котораго для меня священна—будьте же дорогимъ гостемъ и войдите въ мой домъ.

Въ домѣ встрѣтила насъ дочь ветерана, почтенныхъ уже лѣтъ старушка, заботливая рука которой наложила видимый отпечатокъ опрятной домовитости на скромную обстановку этого жилища. На окнахъ всюду цвѣты, которые такъ любилъ старецъ и которымъ, въ виду совсѣмъ слабаго зрѣнія, онъ за послѣдніе годы посвящалъ все свое время. Еще лѣтъ за шесть до своей кончины, будучи уже въ преклонномъ 120-ти лѣтнемъ возрастѣ, онъ не только могъ читать при помощи очковъ, но даже иногда предавался любимому своему занятію — рисованію. Въ послѣдніе годы, однако, зрѣніе стало окончательно измѣнять старцу, и онъ уже съ большимъ трудомъ, дрожащею рукою, едва могъ подписывать свою фамилію [1]). Комнатка Николая Андреевича (старикъ особенно любилъ, чтобы его называли „по-русски" по имени и отчеству) представляла миніатюрный, но въ высшей степени своеобразный уголокъ, гдѣ все говорило о временахъ давно минувшихъ. Здѣсь жилъ онъ воспоминаніями о славномъ и величественномъ прошломъ, о своемъ императорѣ, глядѣвшемъ на него изъ рамки большого акварельнаго портрета и съ небольшой бронзовой статуэтки, стоявшей на столикѣ у окна. Это былъ культъ Наполеона восторженный, трогательный, преданность глубокая, въ



Н. А. Савенъ.
Ветеранъ „великой арміи" Наполеона I на 120 году жизни. (1768—1894 г.).
Фотографія съ натуры С. М. Ушакова въ Саратовѣ.

---

[1]) Въ 1894 году, незадолго до своей кончины, Савенъ подписалъ свою фамилію подъ письмомъ къ редактору „Figaro" и на прошеніи, поданномъ имъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Делянова. Одинъ изъ послѣднихъ автографовъ Савена сохраняется у автора этихъ воспоминаній на подаренной ему старцемъ книгѣ „Histoire de Napoléon et de la grande Armée", графа Сегюра.

буквальномъ смыслѣ „до гроба". Исторія этого портрета также заслуживаетъ вниманія: онъ написанъ самимъ Савеномъ въ 1837 г., черезъ 25 лѣтъ по прибытіи въ Россію, и рисованъ „на память"— до такой степени знакомыя черты императора врѣзались въ воспоминаніе стараго ветерана. Наполеонъ изображенъ на немъ во весь ростъ, въ традиціонномъ походномъ сюртукѣ, въ шляпѣ, съ рукой, заложенной за бортъ мундира. Онъ стоитъ на берегу скалистаго утеса и задумчиво смотритъ вдаль. Тутъ же, неподалеку другой портретъ, изображающій браваго кавалерійскаго офицера въ мундирѣ наполеоновскихъ войскъ—это самъ Николай Андреевичъ въ формѣ французскаго конно-егерскаго полка, писанный, какъ видно изъ помѣтки, въ 1812 году. Разсматривая съ глубокимъ волненіемъ каждую вещицу въ этой убогой и вмѣстѣ съ тѣмъ богатой воспоминаніями обстановкѣ, я особенно заинтересовался небольшой гравюрой въ старинной, съ выцвѣтшею позолотою, рамкѣ, висѣвшей въ дальнемъ углу; гравюра изображала эпизодъ изъ Египетскаго похода 1798 года и отличалась замѣчательной отчетливостью фигуръ, сгруппированныхъ вокругъ Бонапарта. Главнокомандующій и его штабъ изображены сидящими на верблюдахъ; вдали виднѣются пирамиды Хеопса и знаменитый сфинксъ, у подножья котораго расположены французскія войска. Замѣтивъ, что я особенно разсматриваю эту гравюру, старецъ сталъ съ удивительною подробностью называть мнѣ поочередно имена всѣхъ генераловъ, изображенныхъ въ свитѣ Бонапарта. „Картину эту,—говорилъ Николай Андреевичъ,— я совсѣмъ плохо вижу, но зато прекрасно помню всѣхъ лицъ, на ней изображенныхъ... Вѣдь это былъ мой первый походъ съ императоромъ. Вотъ здѣсь направо, лицомъ къ Наполеону,—это Бертье, а рядомъ съ нимъ Ланнъ, впослѣдствіи герцогъ Монтебелло, съ которымъ въ 1809 году я былъ подъ Сарагоссой".

Съ удивленіемъ внималъ я словамъ феноменальнаго старца, пораженный невѣроятною въ столь преклонные годы памятью... Оказалось, что теперь ему шелъ 126-й годъ: онъ родился въ апрѣлѣ 1768 года; на 29 году отъ роду совершилъ онъ Египетскій походъ, а Отечественная война 1812 года застала Савена уже въ зрѣломъ 43-лѣтнемъ возрастѣ. Необычайная память не покидала старца до послѣднихъ дней его жизни. Старушка, дочь его, неоднократно разсказывала мнѣ, что часто, забывая имена и фамиліи нѣкоторыхъ лицъ, давно умершихъ, она обращалась съ вопросами къ отцу, и онъ почти всегда называлъ ихъ и нерѣдко помнилъ даже, гдѣ кто жилъ и въ какомъ домѣ.

Съ тѣхъ поръ я сталъ очень часто навѣщать почтеннаго Николая Андреевича и постепенно узналъ его необыкновенную Одиссею, полную захватывающаго интереса и подчасъ глубокаго трагизма. Живыми образами промелькнули въ разсказахъ старца главнѣйшіе эпизоды его боевой жизни: Египетъ, Сарагосса, плѣнъ въ тюрьмѣ испанской инквизиціи, походъ 1812 года и березинская переправа. Въ яркихъ краскахъ и съ особеннымъ волненіемъ разсказывалъ старецъ о кровавой эпохѣ террора въ Парижѣ, во время котораго погибъ отецъ его при защитѣ Тюльери. Результатомъ этихъ въ высшей степени интересныхъ, но, къ сожалѣнію, отрывочныхъ разсказовъ Николая Андреевича и была первая статья о немъ, напечатанная въ „Новомъ Времени" [1]), послѣ которой о Савенѣ скоро узнали у насъ и за границей. Но пусть говоритъ самъ старецъ и разскажетъ намъ свою Одиссею, которую я

[1]) № 6553, субботнее приложеніе 28-го мая 1894 года.

передаю здѣсь дословно, въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя довелось мнѣ услышать изъ устъ маститаго ветерана.

„Я родился въ Руанѣ 17-го апрѣля 1768 года. Отецъ мой André Savin, еще при Людовикѣ XV служилъ въ военной службѣ, въ королевской гвардіи (Gardes Françaises). Родителей своихъ я совсѣмъ не помню, такъ какъ почти ребенкомъ былъ отправленъ въ Туръ, гдѣ въ то время жилъ дядя мой, братъ моей матери. Сначала я учился дома подъ присмотромъ дяди, а затѣмъ отданъ былъ въ Турскую іезуитскую коллегію (college académique), въ которой воспитывались дѣти мѣстныхъ дворянъ и болѣе достаточныхъ лицъ другихъ сословій. Кромѣ предметовъ общаго образованія и богословскихъ наукъ, насъ обучали музыкѣ и рисованію, а воспитанники, не избравшіе духовной карьеры, по желанію могли обучаться танцамъ, фехтованію и верховой ѣздѣ. Въ началѣ 1790-хъ годовъ я отправился въ Парижъ, чтобы повидать отца, мать и младшаго брата, жившихъ въ это время въ Версали, гдѣ отецъ мой, вышедшій уже въ отставку, занималъ должность въ придворномъ вѣдомствѣ. Насколько помню, это было въ концѣ 1792 года, въ самую эпоху сентябрьскихъ убійствъ. Въ Парижѣ кровь лилась уже ручьями. Это было то ужасное время, когда, благодаря развившимся доносамъ, никто не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности, въ томъ, что доживешь до завтрашняго дня. Шайка головорѣзовъ, прикрываясь громкими именами свободы и равенства, среди бѣла дня совершала ужаснѣйшія преступленія, во имя отечества и націи, во главѣ которой они тогда стояли, къ стыду и ужасу всѣхъ благомыслящихъ людей. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, многое я пережилъ и испыталъ на своемъ вѣку: я видѣлъ чуму въ Египтѣ, я испыталъ ужасы войны въ Испаніи, я былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ той драмы, которая въ исторіи извѣстна подъ именемъ отступленія великой арміи,—но все это ничто въ сравненіи съ кровавой эпохой террора. Подробности отдѣльныхъ событій, правда, ускользаютъ изъ моей памяти, но общее впечатлѣніе ужасовъ этого времени до сихъ поръ стоитъ кровавымъ облакомъ передъ моими глазами. Первымъ горемъ, постигшимъ меня въ Парижѣ, было извѣстіе о смерти отца, который погибъ, какъ полагаютъ, въ день 10-го августа. Мать исчезла неизвѣстно куда. Найдя пріютъ у друзей отца, пробылъ я въ Парижѣ до 1794 года. 21-го января 1793 года, въ день казни Людовика XVI, хотѣлъ я вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями взглянуть въ послѣдній разъ на несчастнаго короля, но, вслѣдствіе распоряженія парижскаго муниципалитета, никого, кромѣ войскъ, на улицу не выпускали: всѣ двери и окна домовъ, находившихся на пути шествія, должны были быть заперты еще съ вечера 20-го числа. Такъ какъ я не былъ національнымъ гвардейцемъ и не имѣлъ знакомствъ въ комитетѣ общественной безопасности, съ другой стороны—не былъ постояннымъ жителемъ Парижа, приписаннымъ къ извѣстному участку, то положеніе мое въ городѣ съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія могло быть поступленіе въ армію. Въ это время я получилъ письмо отъ брата, жившаго въ Руанѣ, который приглашалъ меня къ себѣ. Добывъ себѣ необходимый видъ, я выѣхалъ изъ Парижа въ концѣ 1794 года и пріѣхалъ въ Руанъ, гдѣ пробыль до 1798 года. Въ это время узналъ я, что въ Гаврѣ генералъ Бонапартъ формируетъ полки и принимаетъ волонтеровъ для экспедиціи противъ Англіи. Я тотчасъ рѣшилъ вступить въ ряды арміи

и съ этой цѣлью отправился въ Гавръ. Прибывъ туда и изъявивъ желаніе служить въ экспедиціонномъ корпусѣ, я немедленно былъ зачисленъ волонтеромъ въ корпусъ генерала Бонапарта.

„Вскорѣ всѣхъ насъ, волонтеровъ, отправили въ Тулонъ, гдѣ уже находился нашъ полкъ. Въ Тулонѣ стояла наша эскадра, конвоировавшая экспедицію, и мы пересѣли на суда. Цѣль экспедиціи держалась въ тайнѣ и только послѣ взятія Мальты, по выходѣ въ море, намъ объявили, что мы идемъ въ Египетъ. Черезъ двѣ недѣли мы были подъ стѣнами Александріи, которую взяли приступомъ вскорѣ послѣ высадки. По дорогѣ къ Каиру намъ пришлось впервые увидѣть и имѣть дѣло съ мамелюками, отборнѣйшей конницей, безстрашно атаковавшей наши карре и подъ конецъ совершенно уничтоженной нами. Кавалерія наша, однако, сильно отъ нихъ пострадала, а отсталые и больные безпощадно ими истреблялись. Въ сраженіи при Пирамидахъ я состоялъ въ конвоѣ при главнокомандующемъ. Здѣсь въ числѣ трофеевъ, доставшихся намъ при взятіи египетскаго лагеря, была великолѣпная сабля Мурадъ-бея, которую Бонапартъ съ тѣхъ поръ постоянно носилъ, какъ почетное оружіе, до провозглашенія своего императоромъ французовъ [1]). Послѣ занятія нами Каира, я оставался въ немъ въ числѣ войскъ, составлявшихъ французскій гарнизонъ этого города. Изъ генераловъ, участвовавшихъ въ этой экспедиціи, я особенно хорошо помню Бертье и Ланна, впослѣдствіи герцога Монтебелло, подъ начальствомъ котораго я служилъ въ Испаніи въ 1809 году. Въ концѣ 1801 года мы вернулись во Францію. Несмотря на блестящія побѣды, одержанныя египетской арміей—исходъ экспедиціи былъ неудачный: мы принуждены были покинуть страну, кратковременное обладаніе которой стоило намъ столькихъ жертвъ и денежныхъ затратъ. Мы всѣ сознавали это — отъ генерала до послѣдняго солдата,—и не совсѣмъ-то радостно возвращались на родину. Здѣсь, однако, ожидалъ насъ тріумфъ. Въ Ліонѣ первый консулъ оказалъ египетской арміи такой блестящій пріемъ, что всѣ мы сдѣлались героями въ глазахъ Франціи. Тутъ впервые выказалъ Наполеонъ тѣ качества полководца, которыя привязывали къ нему всѣ сердца до такой степени, что каждый солдатъ готовъ былъ идти за него въ огонь и воду. Снисходительная фамильярность въ обращеніи съ послѣднимъ рядовымъ, котораго Наполеонъ подчасъ называлъ по имени, вспоминалъ о его походахъ и т. п.,—все это дѣлало знаменитаго полководца кумиромъ его войскъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ его войнъ и походовъ войска эти съ криками „vive l'Empereur"! шли на вѣрную смерть, чтобы только угодить своему императору, котораго они въ шутку называли „le petit Caporal".

„Въ 1805 году былъ я подъ Аустерлицемъ, а въ слѣдующемъ году участвовалъ въ Іенскомъ сраженіи, рѣшившемъ участь Пруссіи. По пути къ Берлину пришлось мнѣ быть въ числѣ почетнаго конвоя, сопровождавшаго императора. Въ Потсдамѣ, при посѣщеніи гробницы Фридриха Великаго, императоръ взялъ шпагу короля и, положивъ на ея мѣсто свою собственную, какъ говорятъ, сказалъ: „je prends l'épée de Frédéric et laisse à la Prusse la mienne: l'une vaut bien l'autre" [2]). Не знаю, насколько это вѣрно, такъ какъ лично я этого не слыхалъ, но въ арміи фраза эта повторялась тогда многими".

---

[1]) Тьеръ упоминаетъ объ этой саблѣ, какъ о трофеѣ абукирскаго сраженія, которую въ 1814 г. императоръ подарилъ Макдональду, герцогу Тарентскому.

[2]) Я беру шпагу Фридриха и оставляю Пруссіи—мою: одна стоитъ другой.

„Въ 1809 году, какъ я уже упоминалъ, я находился въ числѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Испаніи подъ начальствомъ маршала Ланна. Изъ всѣхъ войнъ временъ имперіи испанская война 1809 г. отличалась особенною жестокостью и кровопролитіемъ. Весь народъ, подстрекаемый духовенствомъ, возсталъ поголовно. Подобное сопротивленіе намъ пришлось только встрѣтить въ Россіи, послѣ отступленія изъ Москвы. Осада Сарагоссы, при взятіи которой я былъ раненъ, мнѣ особенно памятна. Ожесточенное мужество испанцевъ достигло здѣсь крайняго предѣла: въ защитѣ города участвовали не только войска, но и все населеніе, не исключая даже женщинъ. Каждая улица, каждый домъ представляли грозную цитадель, которую приходилось брать съ огромными потерями. За участіе въ этомъ сраженіи я былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Вскорѣ затѣмъ произошло событіе, которое особенно сохранилось въ моей памяти—это мой плѣнъ въ испанской инквизиціонной тюрьмѣ. Захваченный испанцами, я вмѣстѣ съ десятью другими товарищами былъ заключенъ въ тюрьму Севильскаго инквизиціоннаго трибунала, въ которой содержались военнoплѣнные, въ ожиданіи военной экзекуціи. Насъ всѣхъ заперли вмѣстѣ въ довольно большой казематъ, служившій, вѣроятно, до этого времени мѣстомъ пытокъ, такъ какъ въ немъ мы нашли нѣсколько желѣзныхъ орудій, которыми и воспользовались для совершенія побѣга. Сдѣлавъ подкопъ, мы всѣ спаслись, воспользовавшись темнотою ночи. Около мѣсяца блуждали мы въ горахъ, питаясь почти исключительно апельсинами и кресъ-салатомъ, пока, наконецъ, добрались до нашихъ войскъ. Изъ 11 человѣкъ, однако, лишь трое вернулись на родину—остальные восемь погибли отъ лишеній и усталости“.

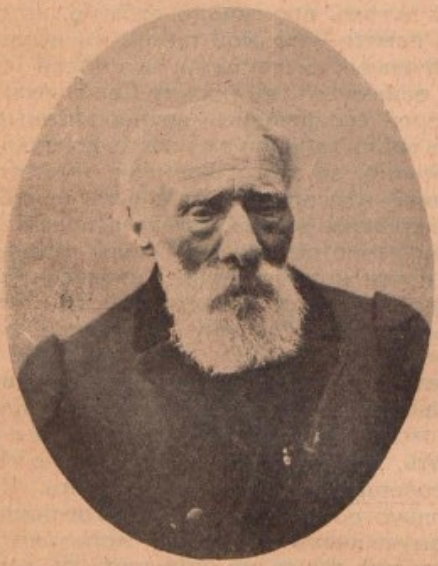
„Въ русскую кампанію 1812 года полкъ нашъ входилъ въ составъ 3-го корпуса великой арміи, находившагося подъ командою маршала Нея. Съ нимъ совершилъ я весь походъ отъ Нѣмана до Москвы и обратно. Въ сраженіи подъ Краснымъ, гдѣ подо мною убито было нѣсколько лошадей, корпусъ нашъ совершенно былъ уничтоженъ. Къ Березинѣ насъ пришло всего нѣсколько сотъ человѣкъ, безъ артиллеріи, безъ лошадей, изнуренныхъ, измученныхъ голодомъ, морозами и утомительными переходами. Не могу при этомъ не упомянуть съ сердечной признательностью о человѣкѣ, заботамъ и уходу котораго я и многіе товарищи мои обязаны спасеніемъ отъ грозившей намъ ужасной смерти—замерзнуть заживо. Это былъ главный хирургъ великой арміи Ларре (Larrey) [1]), человѣколюбивая самоотверженность котораго въ кампанію 1812 г. доставила ему столь заслуженную извѣстность“.

„Подойдя къ Березинѣ, всѣ корпуса стали собираться у небольшого селенія Студянки, гдѣ въ ожиданіи переправы уже находился императоръ съ остатками гвардіи. Съ лихорадочной быстротою приступили къ постройкѣ двухъ мостовъ, одинъ изъ которыхъ предназначался для войскъ, другой—для артиллеріи и обоза. За неимѣніемъ понтоновъ мосты строились на козлахъ, которые наши храбрые понтонеры ставили, находясь по-поясъ въ водѣ, среди плавающихъ льдинъ. Надо было торопиться, такъ какъ непріятель слѣдовалъ за нами по пятамъ. Передъ переѣздомъ на другой берегъ, занятый вскорѣ нашими вой-

---

[1]) Баронъ Доминикъ Ларре (1766—1842 г.), извѣстный хирургъ, постоянный спутникъ Наполеона во всѣхъ его походахъ, начиная съ египетской экспедиціи 1798 г. и до Ватерлоо, гдѣ онъ взятъ въ плѣнъ. Въ духовномъ завѣщаніи своемъ Наполеонъ называетъ его „le vertueux Larrey“. Извѣстенъ учеными трудами и мемуарами. *К. В.*

сками маршалъ Ней поручилъ мнѣ охрану повозокъ съ казначействомъ главнаго штаба, въ которыхъ находилось около 4 милліоновъ франковъ золотомъ, при чемъ приказалъ везти повозки черезъ мостъ, предназначенный для тяжестей и орудій. Несмотря на доводы мои объ опасности такой переправы, маршалъ не измѣнилъ своего приказанія, и я долженъ былъ повиноваться. Мнѣ пришлось вступить на мостъ въ числѣ послѣднихъ съ аріергардомъ маршала Виктора. Главное начальство и маршалы находились уже на другой сторонѣ: порядокъ окончательно исчезъ; приказаній никто не слушалъ и артиллерія съ тяжелыми орудіями стала переправляться вмѣстѣ съ нами. Въ это время вдали стали уже показываться казачьи пики; давка сдѣлалась ужасная. Повозки наши не доѣхали до середины моста, какъ послѣдній проломился подъ тяжестью орудій и ящиковъ, и вмѣстѣ съ нимъ стали падать въ воду люди, лошади, повозки и орудія. Сбитый съ коня, едва удержавшись отъ паденія, увлекаемый напоромъ толпы, я долженъ былъ вернуться на этотъ берегъ, гдѣ насъ вскорѣ окружила толпа казаковъ. Не долго пришлось бы мнѣ защищаться, если бы человѣкъ въ генеральской формѣ не остановилъ казаковъ, предложивъ намъ сдаться. Это былъ самъ Платовъ, которому, такимъ образомъ, многіе изъ насъ обязаны были спасеніемъ жизни. Вотъ все, что я могу сообщить вамъ, закончилъ свой разсказъ старецъ. Дневникъ мой, который я велъ съ 1798 г., къ сожалѣнію, погибъ вмѣстѣ съ другими моими вещами во время злополучной березинской переправы".



Николай Савенъ, послѣдній изъ ветерановъ великой арміи. Родился въ Парижѣ въ 1768 г. Скончался въ Саратовѣ въ 1894 г., имѣя отъ роду 126 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 12 дней.

И вотъ, въ продолженіе 82 лѣтъ безвыѣздно прожилъ въ Саратовѣ этотъ феноменальный старецъ, воочію доказавшій, что долголѣтіе древнихъ—не сказка, не вымыселъ. Въ скромномъ домикѣ, на одной изъ небольшихъ улицъ города [1]), подъ охраною и попеченіемъ своей дочери, старушки преклонныхъ уже лѣтъ, доживалъ свои дни этотъ живой свидѣтель великихъ историческихъ событій, сподвижникъ славы величайшаго изъ полководцевъ новыхъ временъ, участникъ всѣхъ его походовъ.

И всякій разъ, когда я подходилъ къ скромному жилищу маститаго старца, меня охватывало необъяснимое чувство волненія, тотъ благоговѣйный трепетъ, который испытываетъ путешественникъ, вступающій подъ своды Пантеона, Колизея и подобныхъ имъ великихъ памятниковъ старины. Но только здѣсь чувство это было еще сильнѣе: пе-

[1]) Грошовая улица.

редо мною была не безмолвная могила, не мертвый памятникъ, а стоялъ живой человѣкъ, воплощавшій собою исторію цѣлаго столѣтія, столь богатаго великими дѣлами и событіями, человѣкъ XVIII вѣка, какъ бы по волшебству перенесенный въ наши дни.

Первая статья моя о Савенѣ (въ „Новомъ Времени"), вмѣстѣ съ его портретомъ, вызвала,—какъ я уже сказалъ раньше,—огромный интересъ къ личности феноменальнаго старца и вскорѣ на столбцахъ почти всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ стали появляться сочувственныя статьи, посвященныя ветерану великой арміи", а по иниціативѣ парижскаго журнала „Figaro" организована была подписка. Масса писемъ, глубоко прочувствованныхъ, присылались Николаю Андреевичу со всѣхъ концовъ Европы, не только отъ соотечественниковъ, но даже изъ Германіи, Австріи, Швеціи, Даніи, Англіи и Америки. Въ числѣ этихъ посланій особенно выдѣлялось письмо молодого нѣмецкаго ученаго, профессора Гольцгаузена изъ Бонна, признавшаго въ Савенѣ одного изъ боевыхъ товарищей своего дѣда, служившаго въ рядахъ „великой арміи" въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Но вѣнцомъ всѣхъ чествованій была присланная вскорѣ французскимъ правительствомъ „медаль святой Елены", давшая Савену самое драгоцѣнное для престарѣлаго воина званіе „сподвижника славы" его императора и оффиціально удостовѣрявшая личность и боевое прошлое маститаго ветерана. Въ грамотѣ, присланной ветерану за подписью военнаго министра Мерсье, между прочимъ, говорилось: „Канцлеръ національнаго ордена Почетнаго Легіона симъ удостовѣряетъ, что помянутая медаль святой Елены выдана Жану-Баптисту-Николаю Савену, бывшему офицеру гусарскаго полка, прослужившему во французской арміи съ 1792 по 1812 г.".

Со слезами на глазахъ принялъ глубоко растроганный Николай Андреевичъ драгоцѣнную медаль изъ рукъ губернатора, князя Мещерскаго, и съ восторгомъ показывалъ ее друзьямъ и знакомымъ, пришедшимъ поздравить старца. Этотъ интересный и въ настоящее время крайне рѣдкій во Франціи знакъ отличія состоитъ изъ темно-бронзовой медали (на зеленой лентѣ), на лицевой сторонѣ которой изображенъ профиль Наполеона I съ надписью вокругъ: „Napoléon I à ses compagnons de gloire. Sa dernière pensée!" На другой сторонѣ—императорскій орелъ и надпись: „Sainte-Hélène, 5 Mai 1821" (день смерти Наполеона) [1]).

Въ Саратовской губерніи Николай Андреевичъ Савенъ прожилъ безвыѣздно 82 года. Взятый въ плѣнъ при Березинской переправѣ казаками Платова, онъ въ числѣ другихъ плѣнныхъ отправленъ былъ сначала въ Ярославль, а затѣмъ въ Саратовъ, гдѣ первое время нашелъ себѣ заработокъ, давая уроки фехтованія офицерамъ мѣстнаго гарнизона. Вскорѣ затѣмъ, при содѣйствіи тогдашняго саратовскаго губернатора А. Д. Панчулидзева, Савенъ получилъ должность въ благородномъ пансіонѣ при Саратовской гимназіи, выдержалъ экзаменъ при дирекціи училищъ и получилъ дипломъ на право преподаванія французскаго языка. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя воспи-

---

[1]) Въ 1894 году во Франціи кавалерами медали „Святой Елены" состояли четыре ветерана: I. Sabatier (на службѣ съ 1809 г. 104 лѣтъ); Victor Baillot (103 лѣтъ), Pierre Rousset и Joseph Rose (102 лѣтъ). Всѣ они, впрочемъ, вышли въ отставку нижними чинами.

танію и обученію юношества, въ качествѣ домашняго наставника дѣтей мѣстныхъ дворянъ, три поколѣнія которыхъ были его учениками. О плодотворности этой дѣятельности, всеобщей любви и уваженіи, которыя сумѣлъ внушить почтенный Николай Андреевичъ, свидѣтельствуютъ многочисленные аттестаты, выданные ему различными учрежденіями и лицами Саратовской губерніи за долголѣтній періодъ времени съ 1814 по 1874 гг. Въ этомъ году, достигнувъ преклоннаго 106-лѣтняго возраста, онъ рѣшилъ, наконецъ, проститься съ своими учениками и удалиться на покой. Годы брали свое, трудовая и нелегкая обязанность наставника и воспитателя становилась не подъ силу старику: на ничтожныя сбереженія, которыя ему удалось сдѣлать въ теченіе своей 60-лѣтней педагогической дѣятельности, онъ пріобрѣлъ тотъ самый домикъ, въ которомъ дожилъ на покоѣ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни. Необычайная въ такіе преклонные годы тѣлесная бодрость только сравнительно недавно покинула необыкновеннаго старца. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ многимъ саратовцамъ памятна небольшая фигурка старика, почти согбеннаго, рано утромъ спѣшившаго на базаръ съ корзинкою въ рукѣ или идущаго по воскреснымъ днямъ по направленію къ р.-католической церкви, въ праздничномъ сюртукѣ, съ ленточкой Почетнаго Легіона въ петлицѣ. Судя по словамъ самого Николая Андреевича и по отзывамъ мѣстныхъ старожиловъ, онъ всегда отличался чрезвычайною умѣренностью въ пищѣ, питьѣ и образѣ жизни. Пищу всегда ѣлъ самую простую, неприхотливую и особенно любилъ чай, который до послѣднихъ дней всегда пилъ съ большею охотою; весною и лѣтомъ проводилъ большую часть дня на воздухѣ, копаясь въ грядкахъ своего садика, и до послѣднихъ дней жизни всегда былъ на ногахъ. Если среди разговора старца иногда спрашивали о причинахъ его необыкновеннаго долголѣтія, онъ отвѣчалъ, что главною причиною сохраненія своихъ дней онъ считаетъ умѣренный образъ жизни, лишенной еще съ ранней молодости всякихъ излишествъ:

Multa tulit fecitque puer sudavit et alsit
Abstinuit Venere et vino... [1]).

Смерть пришла къ нему тихо, неслышно, безъ всякихъ страданій. Прохворавъ нѣсколько дней, онъ во вторникъ, 29-го ноября 1894 года, почувствовалъ особенную слабость и, пригласивъ священника, пріобщился св. таинъ. Напутствовавшій его настоятель римско-католической церкви, саратовскій деканъ, графъ Шембекъ [2]), свидѣтельствуетъ о глубокой религіозности старца, всю жизнь свою бывшаго искреннимъ и добрымъ христіаниномъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ухода священника онъ тихо заснулъ вѣчнымъ сномъ. Отъ роду ему было 126 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 12 дней.

2 декабря тихая и малолюдная Грошовая улица приняла необычный видъ. Съ ранняго утра у воротъ небольшого, скромной наружности домика, на которыхъ виднѣется надпись: „домъ поручика Николая Андреевича Савина"—стояла густая толпа народу. Ровно въ 10 часовъ утра въ домъ покойнаго прибыло римско-католическое духовенство, съ настоятелемъ графомъ Шембекомъ во главѣ. Небольшая

---

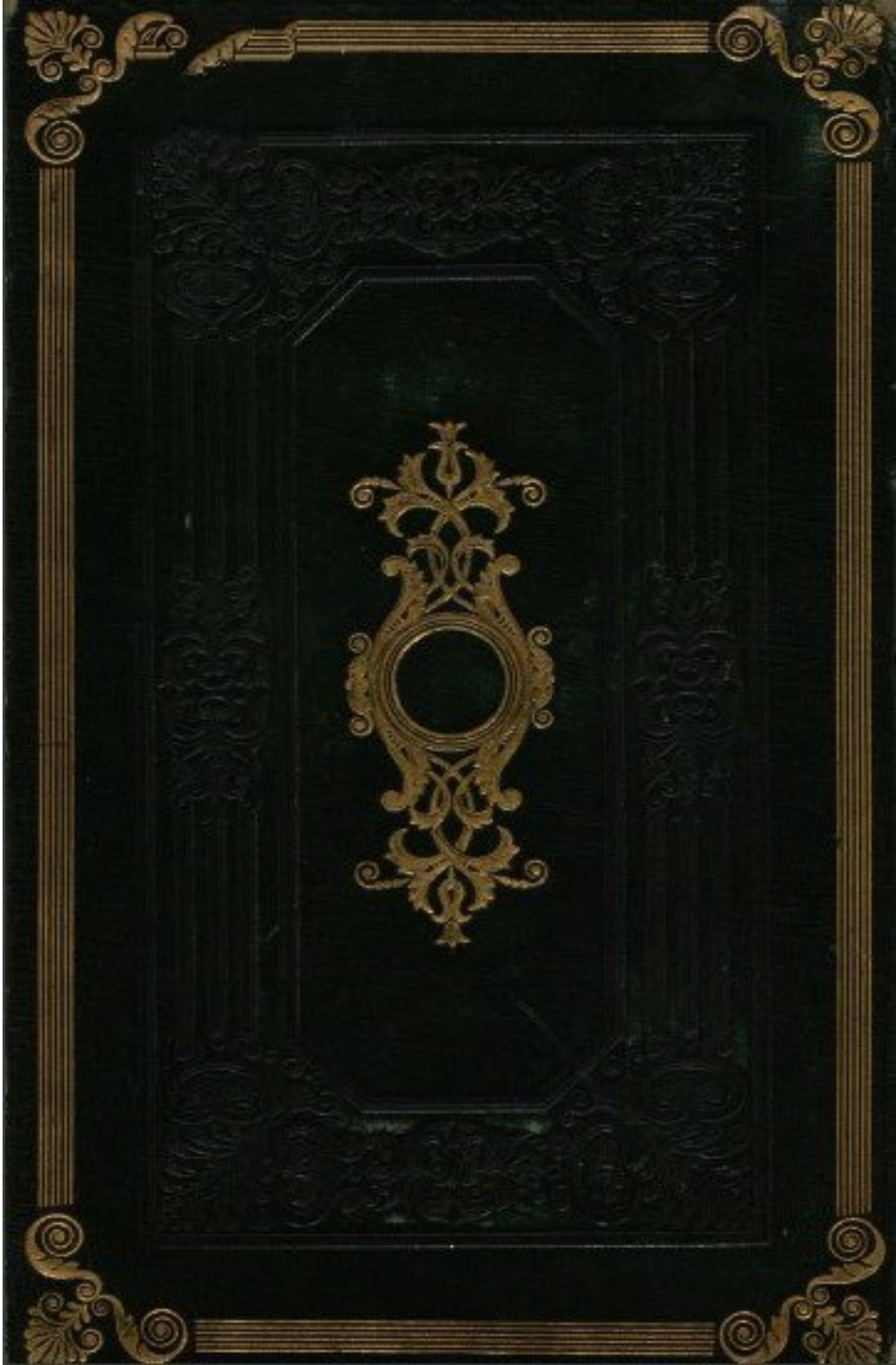
[1]) Еще мальчикомъ многое перенесъ и трудился, потѣлъ и мерзъ, воздерживался отъ страстей и вина. (Горацій. Ars poët).

[2]) Впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, митрополитъ римско-католич. церквей въ Россіи, скончавшійся въ Петербургѣ.

комнатка, въ которой стоялъ гробъ, была наполнена родственниками, друзьями и знакомыми покойнаго, пришедшими къ выносу тѣла. Среди посѣтителей было немало офицеровъ разныхъ родовъ оружія, а вскорѣ затѣмъ прибыли: Саратовскій губернаторъ кн. Б. Б. Мещерскій и начальникъ саратовскаго гарнизона, генералъ-лейтенантъ Мрочкевичъ. Взоры всѣхъ приходящихъ невольно обращались къ стѣнѣ этого скромнаго жилища, на которой виднѣлись два портрета—Наполеона I и самого Н. А. въ формѣ офицера французскаго гусарскаго полка—работы покойнаго, а также патентъ на присланную недавно медаль „Св. Елены" за подписью президента. Послѣ краткой литіи, гробъ былъ вынесенъ на рукахъ родственниками, и шествіе тронулось по направленію къ католической церкви, при пѣніи стройнаго хора воспитанниковъ мѣстной римско-католической семинаріи. По прибытіи въ церковь, гробъ установленъ на катафалкѣ и началось богослуженіе. У изголовья поставлена была подушка съ орденами покойнаго: небольшой крестъ на красной ленточкѣ—Почетный Легіонъ, орденъ св. Людовика и медаль святой Елены. У подножья катафалка возложены были вѣнки: лавровый *„отъ русскихъ офицеровъ г. Саратова лейтенанту Н. А. Савэну 1768—1894"*; отъ французской колоніи и „отъ русскихъ друзей".—Церковь была полна молящимися, въ числѣ которыхъ было немало офицеровъ. Послѣ литургіи началось отпѣваніе, которое совершалъ епископъ Тираспольскій въ сослуженіи съ каноническими. По окончаніи богослуженія, гробъ былъ вынесенъ на рукахъ офицерами и друзьями покойнаго, которые несли тѣло отъ церкви вплоть до Ильинской улицы.

Желая почтить память доблестнаго ветерана, какъ заслуженнаго и старѣйшаго офицера дружественной намъ Франціи, Саратовскій губернаторъ возбудилъ ходатайство предъ военнымъ министромъ о разрѣшеніи, не въ примѣръ прочимъ, воздать покойному воинскія почести, съ назначеніемъ военнаго хора музыки. Хотя на ходатайство это, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, но такъ какъ въ день похоронъ стоялъ значительный морозъ, то, въ силу военнаго устава, ни хора, ни воинской команды нельзя было назначить. Тѣмъ не менѣе, гг. офицеры саратовскаго гарнизона отдали послѣдній долгъ престарѣлому герою: они несли ордена покойнаго.

Вскорѣ послѣ похоронъ Николая Андреевича, принятыхъ на счетъ города Саратова, пожелавшаго почтить память старѣйшаго своего гражданина, С.-Петербургская французская колонія [1]) собрала подписку на памятникъ, который сооруженъ на мѣстномъ римско-католическомъ кладбищѣ, гдѣ и покоится теперь прахъ „послѣдняго ветерана великой арміи".


[1]) Послѣдняя также издала въ свѣтъ, въ 1895-мъ году, брошюру на французскомъ языкѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ": Nicolas Savin, le dernier des vétérans de la Grande Armée. Sa vie, Sa mort. St. Pétersbourg 1896, in 16.